

ПОДХОДЯЩИЙ ключ находится не сразу. Наконец замок со скрежетом отпирается. Дверь в темноте скрипит пронзительно, тревожно. Шаг, еще шаг, еще. Ключ громко падает, натиснувшись по полу с грохотом. Где же он? Ах, вот... Так, стена... А здесь что? Скрипит еще одна дверь. Ручка на ней... С канализационным шумом обрушивается вода — м-да, не то... Пойдем обратно. Ага, шкаф! Взвизгивают дверцы. Теперь быстрее, быстрее шмотки все эти в чемодан... Стой! — гремит вдруг в темноте голос. — Руки вверх! Вот ты и попался!

— Потом говорят: «Кремена, как ты это придумываешь?» А я — не знаю! Ну, лепишь что-то в ответ, а по правде ведь объяснить невозможно. Заранее вроде знаешь: тут успех, здесь заплата — но разве импровизацию запланируешь? Работает репризу — и вдруг по ходу осеняет. Рождается ментально, но — из тяжелого, огромного труда. Прилетает все-таки иногда этот, с крыльями...

Он говорит быстро, до сих пор еще весь в стихии представления, привычными движениями снимая грим.

В пьесе Леонида Андреева «Тот, кто получает пощечины» наездница Консуэлла спрашивает у главного героя: «Тот, ты сам нарисовал смех на твоём лице?». Я раз пробовала нарисовать у себя, но ничего не вышло.

Как «рисует смех» Кремена? Ну, внешность у него, с одной стороны, достаточно «клоуно-геничная», но с другой — кепочку нацепит, выйдет на бульвар... Или — походка. Увидел его впервые за кулисами — ну, походочка. Профессиональная! А потом оказалось — это у него люмбаго... И в манере совсем иная стать была у Кремены — хоть и больно, конечно. Грим... «Имя этому гриму — душа» — так ведь? Но, думаю, должен же чем-то клоун отличаться от нормального человека...

— Вот сейчас спросите, конечно: как стал клоуном? Всегда спрашивают. И такой вопрос, что нужно придумывать. Это что — есть такой специальный аппарат: входишь в него — пять лет, вышел — и клоун, да? Или институт автодорожный: пять лет — и поехал? МАИ: пять лет — улетел? Не полетит! Сдается, он еще не вышел из роли. А выходит ли вообще? Хотя... разве клоун — это роль? «Я клоун, и это мое естественное состояние», — говорил классик Карандаш.

— Клоуном стать невозможно даже за десять лет. Я имею в виду — настоящим клоуном, который имеет и умеет, что сказать, как захватить сердце. Порыв души основан ведь на мастерстве.

Труд прежде всего. И труд необычный. Вот есть рисунок: как сделать гайку. А как сделать репризу? Никто ведь не говорит: «Кремена, я нашел репризу! На, держи!»

Помогает зритель: если бы его не было — ничего бы не сделал. Это он мне ниточку дает, веревочку — нужно только суметь ухватиться. Это вот как ребенок лежит рядом с матерью и чувствует ее тепло, биение сердца. Вот и зал — слушаю его сердце. Не можешь — не нужно работать клоуном. Ощущай, чего хочет сегодня зритель — посмейся, всплакнись? Улавливаешь настроение зала, всякий раз особое, и по ходу меняешь рисунок реприз, соответственно подбираешь — лирические, смысловые, смешные... Я должен знать, что вас волнует, чтобы с вами разговаривать, чтобы вас рассмешить, обнадежить. Почему вы засмеялись? А вы?

Мне ведь что вообще нужно? Хороших людей, хорошей жизни — чтобы легко было на земле жить. Людям обязательно нужны радость, веселье — мы столько перевидали слез...

Нет, Кремена не «родился в опилках». Война застала их семью в Новороссийске. Отцу было поручено ответственнейшее дело — эвакуация пшеницы. Его сердце не выдержало страшного напряжения... Ойкупанты рвались к горюду. Их, семью партийных работников, в живых бы не оставили. Мать, усадив в подводу с нехитрым скарбом Володю и Люду, сама взялась за вожжи. Фашисты

атаковали обоз беженцев с воздуха под Туапсе.

— Они заходили со стороны солнца. Сразу не заметишь. Мы на привале из кирпичей очаг сложили, блины на сковороде жарились — так очередь ударила прямо по ней, в метре между нами... После, на перевале, бомба угодила в переднюю бричку — в ней наши знакомые ехали: ничего не осталось, ничего...

В эвакуации жили в Бийске. Голодно было. Соль сосал, заправлял водой — маленький был, не соображал — опух весь. Нет, мама не плакала. Мы не плакали тогда...

На стене — в ряд — клоунские шляпы. Кроха-пинчер Дуля тарачит блестящие глазенки — устроилась тихоокеанка в чемодане на мягких тряпочках...

Теперь понимаете, почему Кремена уже почти двадцать лет выходит на манеж? «Мне ведь что нужно? Хороших людей, хорошей жизни...»

Владимир КРЕМЕНА:

Война окончилась. Они с мамой жили в Ногинске. В кино — Чаплин, Ильинский. А в Москве, на Цветном, — Карандаш, Никулин!

— В цирковое училище пришел в 51-м — ох, и щуплый был. А там сидят такие здоровые, объемистые дяди — рановато, говорят, затеял, малыш, больно ты худой, подкачайся сначала. Окончил тогда в Малаховке физкультурный техникум, в армии отслужил, и снова — в училище.

И ведь такой маленький — как я мог додуматься до цирка? Циркачи живут на колесах. Кремена чертит в воздухе маршруты: Сибирь, Урал, Приморье, Средняя Азия, Польша, Аргентина, Финляндия, Уругвай... А любимое место?

— О — Клязьминское водохранилище! Ой, на лыжах...

Люблю одиночество, природу: когда где-нибудь в деревне или на ферме — выздоравливаю. Детство вспоминается... Запах свежего парного молока — ничего на свете нет прекрасней. Это еще с войны: заболел, а мать разбудит где-нибудь стакан парного молока, принесет... И подсолнечное масло — тоже с тех пор. Подсолнечное масло, хлеб черный, чуть черствый, холодная вода — это у нас торты, самая вкуснятина.

Люблю, когда строится что-то большое. На строительстве электростанции у меня снимается любой стресс.

А что в цирке больше всего люблю — это воздушных гимнастов. Сам летал Оттуда, сверху, — все маленькие такие. Им смотреть боязно, а ведь если бы сами этот воздух, эту высоту почувствовали — ничем бы обратно не слезли!

Кремена взялся за сердце — оно у него на правой штанине прищепнуто, алес, яркое.

«Руки вверх! Вот ты и попался! Раздевайся!» Приходитесь, дрожа, подчиниться. «Вы слушали передачу для старших школьников». Что такое? «Чайковский». «Сентиментальный вальс». И — музыка. Ах, это же приемник, вот он, на сту-

ле... Хоть обуться теперь, что ли. Но эта музыка... Она завораживает, такая прекрасная... А ну ее, выключить скорее!

Трудно словами описать репризу — как перевести на бумагу удивительный язык пантомимы, рождающейся в луче осветительной «пушки»... Сложное дело — «кремналистика».

— За один вечер я могу рассказать несколько судеб всего лишь в коротеньких эпизодах.

Метафора? Да. Ведь клоунада — это еще и поэзия. Они родственны — чудо клоунады и чудо поэзии. Клоунада — это стихотворение без слов.

Есть балетные стихи. Ну а те, что в манеже, если вспомнить классическую клоунскую масть, стало быть, рыжие стихи...

— Вот когда хорошая книга... Читаю — и боюсь: если она вдруг кончится — что же я буду делать? Я же умру! Когда же найду такую еще?

О животных читать люблю, хо-

тиции. И смотрю вдруг — сел, ногу задрал (он у меня «слоненком» был) — работает! Знаете, я чуть не заплакал... Вот в фильме лошадь так же — помните?

Это он о телефильме «Рассмешите клоуна» вспомнил — в денаре премьера была (поставлен Н. Рашевым по сценарию С. Абрамова). Хороший фильм, добрый, задумчивый. Кремена исполнил в нем главную роль — клоуна, конечно. Так вот там по ходу действия его герой приводит в цирк старую цирковую лошадь — и она ночью выходит знакомой дорогой на манеж и одна, в темноте работает прежние свои трюки...

— Ну, нельзя человека оставивать, гнать на пенсию — он только в труде себя обретает. И чем больше работает, тем дольше живет.

Удача сама не придет. И фильм — об этом: трудиться нужно, в этом смысл жизни. Нет, я не понимаю такого человека, ко-

Владимир и Галина Кремена выступают вместе еще с учениками — и в музыкальной буффонде, и со своими животными — собаками, кошками. Дочери Оксана восемнадцать, и ей, конечно, от цирка — тоже никуда...

— Вот здесь, в гримерной, ни одного окошка, тесновато, душновато, а мне хорошо, тепло. Здесь я начинал, здесь родилась первая хорошая реприза, и эти стены помнят, как я ее создавал, сколько пота ушло. Здесь на каждой деревяшке, балке, гвозде — мои следы. Эти стены помогают, тяжело если. Здесь вижу всегда своих животных — собаки всегда придут, если мне плохо, если заболел, все мои напасты, все радости — их. Они же — копия моего характера: жизнерадостные, любопытные, ревнивые, поиграться любят. Я их никогда не покупаю: сами подворачиваются, несчастные всякие... Вот Лапу — подарили.

...А белая лохматина Лапу самозабвенно елозит лапами по диванчику, изнывая от симпатии к таким замечательным собеседникам. В углу стоит пушка, с которой ей вскорости предстоит иметь дело на манеже: упорно будет ее разряжать вопреки агрессивным намерениям хозяина и наконец нахнет ему из этой пушки куда следует...

— Полное разоружение — обязательно будет. Вот пусть и посмотрят: у нас собаки — и те борются за это!

А скоро поеду на съемки — фильм пока называется «Путешествие в страну чудовищ», современная взрослая сказка: буду играть короля, смурного, как всегда. Жуткий, надо сказать, тип: король да еще инопланетянин! Владимир Бычков, режиссер (он меня еще в «Городе мастеров» снимал): «О, какое чудовище ты будешь изображать!» И чудовище это с моим профилем...

(а профиль Кремены — это, я вам скажу, тема для отдельного разговора...)

... как и вертолеты, на которых эти захватчики попрут. Ох, плохо он, наверное, кончит, этот мой король...

Шут играет короля. Что ж, все верно. Цирковой шут — король манежа, как говаривал еще старый рыжий Мозель. Да и вообще: кто лучше разбирается в королях, как не шуты, — работа у них таная.

А снялся Кремена уже в двадцати фильмах. Понятно, что часто он не меняет при этом амплу: вот и в картине «Пепи Длинный Чулок» играл клоуна Буна...

— Клоунская профессия — самая малочисленная. Нас на земле — наверное, как космонавтов. То есть численно, конечно, много, но настоящих — где-то пятьдесят. А хороших — вот они, здесь...

...в растопыренных его пятернях...

...и если государство имеет двадцать хороших клоунов — это богатейшее государство.

Клоун хочет помочь тысячам своих зрителей своим теплом. Он продлевает им жизнь. Он — шут, но он — и врач. Мы ведь отчасти экстрасенсы, нет — серьезно. Вот если я здорово на манеже пороботал, пошло дело — то ночью мерзну, просыпаюсь стозноба... Отлично работает, если на улице много солнца!

Самые точные определения всегда просты: клоун — это добрый человек. Феллини как-то парадоксально сформулировал: «Весь мир населен клоунами». Ах, вот, значит, кого он имел в виду...

Когда ослонил зеркала злого андерсеновского тролля, разлетевшись по белу свету, попадали в глаза, сердца, — у людей искажалось сердечное зрение. Клоуны вынимают злые стекла из наших глаз. Они — добрые тролли, эти взрослые, чуть усталые мужчины, и их внимательные, улыбающиеся и всегда немного грустные глаза — это добрые зеркала. Смотреться в них чаще.

Да, а что же там с незадачливым грабителем?

...и выключил. Но нет, как же без нее, без прекрасной этой музыки? Нет-нет, только не это! Скорее включите! И теперь, прижав к груди музыку, можно идти с нею, идти, идти...

Вспыхнул свет, грохнули аплодисменты. Но на манеже — никого. Клоуны не выходят на поклон.

Вел беседу
Алексей ЕРОХИН